
МЫ ЖЕ НА ТЫ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ЕВГЕНИЯ МОИСЕЕВА

Евгения Моисеева
Мы же на ты

https://litres.ru/74734659
SelfPub; 2026

Аннотация

— Вот будет тебе восемьдесят, — говорю я. — Сидишь ты, старый дед, на пеньке у дома. Вокруг внуки бегают. А ты жалеешь, что не любил меня всю жизнь.

— Наоборот.

— Что наоборот?

— Буду жалеть, что любил.

В шестнадцать я сама купила розу, вручила ему за кулисами и объяснила, в какой момент её надо мне подарить. А в двадцать пять мне уже не хватало смелости спросить, почему каждую пятницу я приезжаю к нему в Москву, а в воскресенье он ни разу не попросил остаться. Когда он наконец спросил, счастлива ли я, дома в Лондоне меня ждал муж. И я любила мужа. Вот эту подробность в шестнадцать лет я бы ни за что не угадала.

История первой любви длиною в жизнь. И однажды ему действительно исполнится восемьдесят. Я, конечно, приеду. У меня к нему вопрос.

Содержание

Аудитория А1	7
На газетку	13
Пять красных гвоздик	19
Розовый брют	26
Вопрос жизни и смерти	32
Обратный звонок	36
Носитель вируса культуры	40
Девяносто девять	44
Тут же мост	49
Приём заявлений	52
Большая вода	57
Сапоги для рыбалки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Евгения Моисеева
Мы же на ты

Евгения Моисеева

Мы же на ты

Роман

Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Оглавление

01 Аудитория А1
02 На газетку
03 Пять красных гвоздик
04 Розовый брют
05 Вопрос жизни и смерти
06 Обратный звонок
07 Носитель вируса культуры
08 Девяносто девять
09 Тут же мост
10 Приём заявлений
11 Большая вода
12 Сапоги для рыбалки
13 По пятницам
14 Обратный билет
15 Девушка Гриши
16 Ключи от чужой квартиры

17 Сметана и белая собака
18 Своя кнопка
19 Маленькая жизнь
20 Девушка из общего чата
21 Солнечная сторона
22 Балкон во двор
23 Рейс скинь
Оглавление
24 Третий раз
25 Вода до Твери
26 Две копии свидетельства
27 Негрони
28 Четырнадцать визиток
29 Шляпа
30 Четыре серии
31 По дороге домой
32 Пятый этаж
33 Музыку под текст
34 Нижнее боковое
35 После работы
36 Половина кровати
37 Целый день
38 Обратный билет есть
39 Второй ключ
40 Ластик
41 Тридцать два

42 Право подписи
43 Восемьдесят
44 Второй дома
ГЛАВА 1

Аудитория А1

Брянск, июль — сентябрь 2005

Я сижу на кухне и смотрю, как плачет мама. На столе бумажка с моими баллами. Ещё полчаса назад мама посчитала, что я прохожу в Губкинский, в Москву. Я на всякий случай проверила на калькуляторе. Мы даже посмеялись: три года ходила на математику, а когда понадобилось сложить три числа, рука потянулась к кнопкам.

В августе моя старшая сестра выходит замуж, а папа на два года уезжает служить в отдалённый гарнизон. В сентябре мама будет приходить из больницы в пустую трёхкомнатную квартиру. Мне шестнадцать, я всю жизнь просила отдельную комнату. В голову не приходило, что можно получить сразу три и расстроиться.

— Мам, я же не завтра. Вон сколько до сентября.

— И ты туда же, Саш. Я двадцать лет из больницы бегом домой. Всё вам. Ты помнишь, сколько один твой репетитор стоил?

Помню. Я отлично помню даже, куда этот репетитор меня готовил, только сейчас сказать ей это в глаза не могу.

— Неужели у нас плохой институт? — спрашивает мама. — Здесь учись сколько хочешь. Ну побудь ты хоть немного со мной.

У мамы в стакане от чайного пакетика оторвалась нитка.

Я вылавливаю его ложкой. Пока с него капает на блюдце, мы сидим молча.

— Хорошо. Подам в БИТМ.

Мама высмаркивается, встаёт и начинает искать, чем бы меня накормить. «Хоть немного» — это, если считать до диплома, шесть лет. Копии документов, фотографии и деньги на поезд до Москвы лежат в моей комнате в прозрачной папке. Даже разбирать её не хочется.

В августе мы выдаём сестру замуж. В сентябре я иду в Брянский технический университет, который у нас дома всё ещё зовут БИТМом. Мне достаётся группа из тридцати человек. Двадцать восемь мальчиков, я и Женька.

*

Женьку сразу выбирают старостой. Она мастер спорта, бегает на коньках, курит как паровоз. Может попросить у незнакомого парня зажигалку, прикурить и спросить, как его зовут. Своя у неё в кармане. Меня растили мама-врач, папа-военный и репетиторы, а в свободное время я ходила на танцы. В выпускном классе больше всего понимала Гермиону Грейнджер: когда знаешь ответ, сколько можно ждать, пока сообразят остальные?

С виду во мне заучку не опознаешь. Широченные штаны, кроссовки с круглым мысом, сумка через плечо болтается под попой. Рыжий хвост затянут потуже. Хорошие вещи я таскала у сестры, а после свадьбы она ещё и не всё успела вывезти. В группе я самая младшая: рано пошла в школу,

миновала четвёртый класс, да и день рождения в декабре. Дружить придётся с мальчишками. Я в общем-то не против. Только руку пока поднимать не буду.

На четвёртой неделе учёбы меня ловит в холле Серёжка Лавров. Мы знакомы по подготовительным курсам.

— Сань, привет! Ты чего на репетицию не ходишь?

— На репетицию чего? Серёж, у меня маршрутка.

— Посвят через месяц! Каждый факультет готовит представление, я говорил же. Нас курируют ребята из «Обычных людей». Гриша вообще шутки на ходу пишет.

— Серёж, а без меня точно никак? У меня с начертательной швах.

— Ты, конечно, можешь забить, как все. Только у нас людей не хватает. Ну приди хоть глянь.

Слово «глянь» мне нравится, оно ни к чему не обязывает. Про маршрутку Серёжка уже забыл. Я иду за ним в А1.

Аудитория огромная, ступени круто спускаются к кафедре. Внизу человек десять наших. Серёжка несётся к ним и на ходу кричит, что привёл меня. Возле него сидит девчонка с нашего потока, Надя. Через четырнадцать лет у них будут дети, Серёжа станет старшим в бригаде газовых инженеров, а по субботам будет снимать свадьбы, чтобы семью прокормить. Сейчас он машет мне обеими руками. Я не спускаюсь.

На кафедру облокотился высокий темноволосый парень. Поднимает на меня глаза. Я вдруг очень хорошо представляю, как буду спускаться у всех на виду, придерживая одной

рукой штаны, и сажусь на парту в последнем ряду. С другого края взбирается Женька.

— Хорошенький, да?

— Кто?

— Зорина, ну этот, у кафедры. Я б ему дала.

— Э… Жень, а ты хоть знаешь, как его зовут?

Может, она и знала. Мы смотрим друг на друга и начинаем ржать. Акустика в А1 такая, что на нас тут же поднимаются все головы.

— Девчонки, присоединяйтесь. Я Гриша, ваш куратор. А это Вадим, тоже куратор.

Тот самый крутой Гриша. Восемнадцать лет, третий курс. Женька уже несётся вниз. Вот бы мне так.

— Я пока тут посижу, — говорю. — Так, группа поддержки. Из меня актриса не очень.

Гриша хмыкает и возвращается к сценарию. Ближайшие два часа он на меня даже не смотрит. Я знаю точно, потому что столько времени смотрю на него сама.

*

До среды у меня есть начертательная геометрия, с которой я воюю весь вечер. Чертёж почему-то выходит грязный, даже если помыть руки с мылом. Как только заканчивается последняя пара, Женька кричит через всю аудиторию:

— Зорина, на выход!

— Жень, и что мне там делать? Я же сидела на парте. Думаешь, без меня она упадёт?

— Мы обещали. Давай шевелись.

На этот раз я сама спускаюсь к остальным. Гриши ещё нет. Мы с Серёжкой читаем сценарий и пытаемся сообразить, зачем в середине на сцену выходит второй парень, если слов у него нет. Тут открывается дверь. Гриша за руку ведёт девушку. У неё косая чёлка, клетчатая рубашка и джинсы, которые сидят так, как не сидели на мне ни одни в жизни. Он садится за парту, кладёт ей руку на колено и спрашивает, что мы придумали.

Репетиция длится ровно час. Девушка убирает Гришину руку с колена только один раз, когда ей надо встать. Уходят они тоже вместе.

— Саш, ты куда так несёшься?

— На маршрутку. С меня хватит, Жень. На ней одни джинсы стоят дороже всего моего шкафа.

— Ты ему нравишься.

— Ты где это увидела? Пока он у неё коленку гладил?

Следующую репетицию пропускаю. В пятницу мы с Женькой выходим после пар. Гриша в кофте с надписью «Россия» придерживает для нас тяжёлую стеклянную дверь. У него такие голубые глаза, что я зачем-то оборачиваюсь посмотреть ещё раз. А он тоже обернулся.

— Ну?! — орёт мне в ухо Женька. — У него сейчас шея отвалится!

— Ничего у него не отвалится, идём.

Как хорошо, что я сегодня в узкой джинсовой юбке и сест-

риных сапогах-гольфах на платформе. В среду Женьке не приходится звать меня на репетицию.

ГЛАВА 2

На газетку

Брянск, октябрь 2005

На репетициях я понемногу осваиваюсь. Одному надо выяснить, под какую музыку выходить, другому бы слова посмешнее. К середине октября все листочки со сценарием у меня. Перед выходом на сцену народ тоже почему-то смотрит на меня. Кажется, теперь я режиссёр.

Мы с Гришей обмениваемся телефонами. Он пишет, если опаздывает. Иногда я спрашиваю, нужен ли на следующую репетицию магнитофон, хотя мне самой про магнитофон известно гораздо лучше. В субботу мы с Женькой сидим в «Ванили», пьём кофе. Моя «Нокиа» лежит посередине стола. Текст «ок, возьми» мы с подругой уже обсудили со всех сторон, и тут телефон пищит.

«Привет. Чем занимаешься?»

«С Женей кофе в „Ванили“ пьём».

«Я с другом рядом. Придём?»

«Ну, давай».

«20 мин, пупс».

— Женя. Он назвал меня пупсом.

— Я умею читать.

— Какой я ему, к чёрту, пупс?

— Ты помаду будешь? До них двадцать минут.

Мы сидим вчетвером часа три. Марат пододвигает к

Женьке сахар, заказывает ей ещё кофе, а потом наконец понимает, что Женька ждёт, когда он встанет с её куртки: ей покурить хочется. Гриша удивительно тихий. Только раз говорит, что уезжает на неделю в Рязань, у них там игра. Мне сразу жалко эту неделю. Интересно, его девушка в клетчатой рубашке поедет с ним? Я так и не решаюсь спросить. До дома нас в тот вечер никто не провожает.

К концу октября он приводит на репетицию ещё одного друга, длинного нескладного Толика. К КВНу тот никакого отношения не имеет. Сидит за партой, шутит, смотрит, как я с карандашом в волосах ползаю по сцене и отмечаю пластырем, куда кому вставать. Лет через пять выяснится, что это были смотрины.

За несколько часов до Посвята к нам в зал заходит капитан Гришиной команды. Говорит, что концовку надо поставить в начало, и остаётся помочь. Половину сценария мы переписываем. Само выступление я помню куда хуже, чем то, как потом Гриша говорит:

— Пупс, с нами на дискотеку? Мы только в общагу зайдём, мне переодеться.

На лестнице мне вдруг приходит в голову: сегодня всё, репетиций больше не будет. Даже про магнитофон не спросишь. На этаже я налетаю на Антона Лапшина. Он тоже кавээнщик, только из другой команды. Мы учились в одной школе, Антон на три года старше и, по его мнению, я ему до сих пор по колено.

— Сань, ты что тут делаешь?

— С Гришей на Посвят идём.

— С Гришей? Ну, пойдём ко мне тогда, коньяка налью.

В первый раз в жизни мне предлагают выпить коньяка, и я так уверенно соглашаюсь, как будто все остальные дни недели провожу именно за этим делом. Гриша исчезает переодеваться. Женька ещё на другом этаже застряла, стараясь оставить нас двоих.

— Ты бы с ним поосторожнее, — говорит Антон. — Он вроде расстался с Кирой. Но я бы на твоём месте держался от него подальше.

Я запоминаю, что её зовут Кира. И что расстался. Про «вроде» решаю подумать завтра.

— Тох, ничего серьёзного. Мы просто на Посвят вместе идём.

Коньяк на вкус как лекарство. Антон советует занюхать, суёт мне колбасу. Я послушно нюхаю. На третьей рюмке мы друзья. Следующие шесть лет будем выкраивать на Посвящении полчаса, чтобы налить друг другу коньяка. А когда его жена начнёт звонить мне и спрашивать, куда он опять запропастился в Москве, я ещё пожалею, со сколькими друзьями Антона знакома.

В комнату влетает Гриша. Я роняю на пол кусок колбасы, поднимаю и гордо докладываю ему только что выученное:

— Что упало у студента, то упало на газетку.

Гриша вынимает у меня из рук колбасу и помогает по-

пасть в рукав пальто.

— Мне через час на сцену, пупс. Давай быстрее.

— Мы Женьку потеряли.

— Твоя Женька не пропадёт.

— А ты прекрати меня так называть, бесит.

— Окей, пупс.

Следующая здравая мысль посещает меня уже в клубе: хорошо, что отсюда до дома всего десять минут. Музыка орёт, воздух сизый, Гриша на сцене. То ли от коньяка, то ли от басов кажется, что пол подо мной немножко движется. Одета в новые широкие вельветовые штаны и чёрную водолазку с мохнатыми манжетами. Каждые десять минут один такой манжет липнет к мокрой столешнице. Из темноты возникает Женька и тянет меня к ребятам из КВНа.

Здесь все знакомы. Красивые девчонки при встрече целуют парней в щёку, здороваются через головы друг у друга. Встать бы куда-нибудь так, чтобы никому не мешать.

— Я Кактус, звукач команды. Ты хорошенькая. Значит, сегодня я отведу тебя домой, а завтра мы идём в кино.

Я ещё думаю, что на это ответить, когда сзади кто-то берёт меня за руку. Холодные пальцы, знакомая куртка касается моего плеча. Я делаю полшага назад. Гриша стоит так близко, что затылком я почти упираюсь ему в подбородок.

— А после кино мы пойдём… Стоп. Грих, а ты чего это её за руку держишь?

— Имею право.

— Так. Кино отменяется.

Кактус отворачивается. Вокруг шепчутся, но слов за музыкой не разобрать. Я молчу, только сильнее сжимаю Гришины пальцы.

На диванах сидят его друзья. Толика я узнаю по коленям, которые значительно выше столика. Остальных мне представляют разом.

— Кит, Косич, Шпунт. Мы вместе в интернате жили, теперь в одной группе учимся. А это Грач, он у нас военный.

— У вас хоть девчонки, — говорит Грач. — У меня в академии из знакомых женщин одна вахтёрша.

Сразу я никого не запоминаю. И долго потом буду шарахаться, когда кто-то из них подойдёт со словами «Никита просил». Какой ещё Никита? А, Кит.

В парке от первого снега под ногами ещё грязнее, чем утром. На моём чёрном пальто хлопья задерживаются, пока не донесёшь под фонарь и не разглядишь. Я прячу нос в высокий косой воротник. На Грише тонкая короткая куртка, но он не торопится. У своего подъезда я поднимаюсь на две ступеньки и поворачиваюсь. Теперь наши лица на одном уровне.

— Ну, я пошла?

Он притягивает меня за талию. Я всю дорогу представляла, что именно так и случится, даже эти две ступеньки, если честно, выбрала нарочно. Остаётся подождать секунду. От страха отворачиваюсь в последний момент и утыкаюсь ему

носом в шею.

Гриша разжимает руки.

— Ну, спокойной ночи.

Я влетаю в подъезд. Надо бы выбежать следом, схватить его за рукав, честно сказать, что ужасно хотела его поцеловать, только боюсь сделать что-нибудь не так. Уже берусь за ручку. Его шагов больше не слышно.

ГЛАВА 3

Пять красных гвоздик

Брянск, ноябрь — декабрь 2005

Мой телефон молчит уже две недели. Вернее, он молчит в моём телефоне. Мама пишет, что купить к ужину. Женька умудряется запихнуть в одну эсэмэску все свои выходные. Валера, сын маминой подруги, каждый вечер желает сладких снов. Мы с детства знакомы, но я как-то упустила, когда он сделался двухметровым курсантом с огромными глазами. Через пару дней Валера приносит мне плюшевого ежа едва ли не с себя ростом. Я собираю ежей. Мама сдала меня с потрохами. Теперь он предлагает утром отвезти меня в университет.

— Отлично. Я только не помню, к которому часу, расписание меняли. Напишу тебе, ладно?

Про себя я уже успела назвать и время, и аудиторию.

Потом школьная подруга знакомит меня с парнем по фамилии Серебрянский. Тоже симпатичный, и фамилия мне нравится. Серебрянский пишет комплименты, зовёт на кофе. В первый раз в жизни у меня нарисовался выбор. А я высчитываю, когда в Рязани кончится эта чёртова неделя.

В маршрутке телефон пару раз вибрирует в кармане. Я втискиваю руку под ремень сумки.

«Привет, пупс. Ты скоро дома будешь?»

«Еду из универа, минут десять ещё».

«Ок. Жду тебя в арке».

«Не называй меня пупсом!»

Мне было бы куда легче спорить с ним из маршрутки ещё хотя бы полчаса. А водитель, как назло, ни у одного светофора не останавливается. В арке действительно Гриша. Лицо наполовину в шарфе. Над шарфом видны длинные тёмные ресницы. А у него в руках пять красных гвоздик.

От удивления я забываю сказать хоть что-нибудь приличное. В школе нам выдавали такие гвоздики, когда мы ездили к Вечному огню.

— Привет. Саш, это тебе.

— Ага. Ну, пошли.

— Куда?

— Домой. С мамой познакомлю, раз пришёл.

— Я как-то не собирался. Но если ты хочешь…

Я уже иду к двери, и нам обоим легче подняться на пятый этаж, чем выяснить, что он вообще-то хотел и хочу ли я этого.

Маме представляю его с порога:

— Вот, мам, Гриша пришёл с тобой познакомиться. Цветы принёс.

Мамин взгляд знакомый. Чуть позже мне предстоит вытирать посуду и слушать, что с гостями так не разговаривают.

— Проходи, Гриша. Саш, найди вазу. Ну что ты его в дверях держишь?

Ставлю гвоздики в воду на подоконник и задёргиваю што-

ры. Лет через пять Гриша расскажет, что купил их на последние деньги от стипендии. Хватало на одну розу или на пять гвоздик. А я тут шторы задёргиваю.

Чай пьём втроём, Гриша шутит, мама улыбается. Он умеет с первой секунды разговаривать со взрослыми так, словно его самого давным-давно перестали спрашивать, в котором часу он явится домой. Только в моей комнате немного теряется. Сестра уехала замуж и оставила мне самую большую комнату, два раскладных дивана, стенку, письменный стол с компьютером. Рассаживаться вдвоём удобно почти везде, а мы стоим у самого порога.

— Здорово у тебя.

— Угу.

Гришин телефон начинает звонить. Он говорит кому-то, что уже выходит, и прощается с мамой в коридоре. Подхожу к окну на кухне и чуть-чуть раздвигаю шторы. Гриша запрокидывает голову, ищет глазами наши окна. Мои дурацкие гвоздики со двора, конечно, не видны.

*

«У нас завтра игра. Придёшь?»

«Да. Маме тоже билеты подарили».

«Это финал».

«Знаю. Буду болеть за команду Лапшина».

«Почему не за нас?»

«У них юмор лучше».

«Ясно».

Вот что ему на это ответишь?

В цветочном магазине покупаю на последние деньги розу, в кафе перед ДК достаю тетрадь и выдираю из середины лист. Начертательную в принципе можно пустить на более важные вещи.

«Пупс! Ты мне нравишься, и я хотел бы с тобой встречаться. Проводить с тобой время, ходить в кино и провожать тебя после пар. Я дурак. Тупил и молчал. Давай попробуем быть вместе? Твой Гриша».

Перечитываю. «Я дурак» можно бы и убрать, но я оставляю.

За кулисами регионального финала КВН не протолкнуться. Пахнет сигаретами и утюгом, которым на чьей-то спине доглаживают пиджак. Гриша ловит меня за руку. Я тащу его в лестничный пролёт.

— Держи. Роза мне.

— Не понял.

— Это текст. Порепетируй, потом после игры подаришь мне розу и скажешь.

— Сань, я ничего не понимаю.

— Мне надоело, что ты бездействуешь.

Отдаю ему записку. Рука у меня дрожит, зато как я собой довольна.

Восьмое декабря. Мне шестнадцать. Из зала понемногу расходятся люди. Его команда выиграла, я успела поздравить Антона, а теперь сижу рядом с победителем. В руках у

меня роза, у него всё ещё мой листок. Он то складывает его, то снова разворачивает.

— Пупс, я бы и без этого справился.

— Окей.

— Давай попробуем?

— Давай, — говорю. У меня уже горят щёки. — Кстати, у меня через два дня день рождения.

— А мы завтра в Орёл.

— Куда?!

— Пупс, у нас игра на выезде.

Уже у подъезда вспоминаю, что оставила розу на сиденье. До ДК десять минут ходу. Я стою ещё немножко у двери и поднимаюсь к себе.

Вечером накануне дня рождения я кладу «Нокию» возле кровати и загадываю: кто первым из троих поздравит, с тем и буду. Что одному я уже дала согласие, меня ничуть не смущает.

«С днём рождения, пупс. Лю».

Ровно ноль-ноль. Валера и Серебрянский промахиваются на две минуты. Я переворачиваюсь на живот, включаю погасшую подсветку и перечитываю эти две буквы.

*

Перед Новым годом мама едет к папе. На сам праздник ко мне приедет бабушка, а пока мне семнадцать и я два дня могу распоряжаться квартирой как угодно. Я мою полы, потому что собираюсь пригласить Гришу. Бог знает почему мне

кажется, что из всего, что есть у нас дома, первым делом он посмотрит, хорошо ли вымыты полы.

Мама оставила мне пельменей и разрешила уже ставить ёлку. Если потянуть провод от гирлянды чуть вправо, начинает мигать красная лампочка. Так я её и оставила.

— Будешь кино смотреть? — спрашиваю я, когда Гриша снимает куртку.

— Разве мы не за этим собрались?

Сначала мы действительно смотрим кино. Потом я укладываюсь щекой ему на колени, а кто там на экране и куда уехал, уже не слежу. Он наклоняется. Вспоминаю, как я три недели мечтала вернуться на те две ступеньки, и закрываю глаза. Первый поцелуй выходит удивительно долгим.

Он спрашивает, хочу ли я, чтобы он остался у меня на ночь. И я хочу, хотя мне так страшно, что приходится сбежать в ванную, запереться и немного прийти в себя.

— Саш, мы можем просто досмотреть кино, — слышу через дверь. — Если что, я пойму.

Сажусь на бортик ванны. По ту сторону двери тихо. Можно выйти, поставить чайник, сказать, что я устала, и он пойдёт домой. Только мне хочется проснуться завтра и увидеть его рядом. Очень интересно, какой он спросонья.

— Я уверена. Или тебе опять текст написать?

Открываю дверь сама.

Утром красная лампочка на ёлке снова погасла. Гриша чёркает спичкой, зажигает конфорку. Я стою у него за спи-

ной в носках разного цвета, потому что за ночь один затерялся, и смотрю, как он у нас дома варит кофе. О том, что вчера у меня был ещё и первый поцелуй, я ему так и не расскажу.

ГЛАВА 4

Розовый брют

Брянск — Крым, 2006–2008

На первой сессии мы с Владом Шестаковым сдаём матанализ в один день.

— Зорина, ты доказательство теоремы Лагранжа знаешь? — шепчет Влад с первого ряда.

Ещё бы я не знала. Начинаю шёпотом, а под конец, сама не замечаю как, уже объясняю на весь кабинет. Влад успевает записать, получает свою четвёрку и исчезает. Я отвечаю свой билет, потом ещё на два дополнительных вопроса. Жду, когда и мне отдадут зачётку.

— Зорина, три.

— Как три? Я же на всё ответила!

— А нечего бездельнику через весь кабинет подсказывать. Шестаков — корень зла вашей группы.

Из-за тройки я останусь без стипендии на весь семестр. Пока иду от стола к двери, репетирую, как скажу маме. Получается, что во всём виноват Шестаков.

А Шестаков ждёт у двери. Пока я отбивалась у доски, он успел сбегать в буфет за целой коробкой «Твикса».

— Саня, спасибо за четвёрку!

Я бы его этой коробкой прибила. Но он так улыбается, что я вскрываю её прямо в коридоре.

— Давай хоть сожрём, пока родители не узнали.

С того дня мы с Владом и дружим.

*

В июне, после летней сессии, мне дают путёвку на две недели в студенческий лагерь в Крым. У Гриши практика. Мы стоим на перроне у поезда до Симферополя, он всё никак не отдаёт мне ручку сумки, так что между нами на весу болтаются все мои летние вещи.

— Я не хочу ехать без тебя.

— Пупс, я тоже переживаю, там куча парней.

Обнимает меня на прощание. Снова целует в нос. Он както поцеловал меня так наутро после нашей первой ночи, а теперь это у нас вошло в привычку. Я кривлюсь и морщу нос, он ждёт, пока я перестану, и целует ещё раз.

В Крыму у меня тысяча пятьсот рублей в кармане. От барака до моря два шага: мимо сцены, за столовой направо. На ступенях амфитеатра даже вечером камень тёплый. В столовую стараюсь не ходить — воду из макарон там сливать не принято. Пока есть не хочется, сижу на балконе с «Охотой на овец» Мураками, болтаю босой ногой.

В разворот книги падает шоколадная конфета.

Поднимаю голову. Чуть наискосок от нашего балкона — веранда домика, где живут люди, которые окончили институт задолго до моего поступления, но по собственной воле летом снова тратят отпуск на поездку в лагерь. Мужчина с пшеничными кудрями подбрасывает в руке следующую конфету.

— Я буду звать тебя Птичкой.

— Прекратите бросать в меня конфетами!

— Ты со своей книжкой похожа на птичку. Будешь моей?

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Какой ты старый!

Конфеты больше не летят. Через пару минут мужчина появляется у меня на балконе с бутылкой розового брюта. Его зовут Стас. В Москве он продюсирует какие-то проекты и ведёт передачу на «Авторадио». Вблизи он красивее. Особенно когда улыбается.

— Ну что, Птичка, попробуешь? А то пьёте тут портвейн из бочки.

— У меня есть молодой человек.

— Так я тебе брют предлагаю, а не поцелуи под луной.

К ужину нас уже четверо. Девочка из Бауманки рассказывает про своего коменданта, Стасов друг с серьёзным видом разливает тёплое шампанское поровну. Далеко в море темнеет полоса, а через минуту дождь уже лупит по балкону с такой силой, что не слышно, чем у коменданта кончилось дело. Сбегаем вниз по лестнице. До пирса добираемся мокрые; Стас берёт меня за руку и приглашает танцевать. Мы оба босиком. К подбородку прилипла прядь, я пытаюсь отлепить её языком. Он смеётся, и я сама начинаю хохотать. Давно мне так не было хорошо.

Обратно идём босыми. Стас выдаёт мне огромный свитер.

— Колючий.

— А другой уже на тебе. Мокрый.

Стас заваривает всем чай. Свет погас. Сидим у него на веранде в темноте, слушаем, как дождь колотит по навесу.

Он спрашивает, что я читаю и почему у Мураками все без конца готовят. Мы чуть не ссоримся из-за какой-то яичницы. Сам-то он три раза успел пожить с женщинами, называет их жёнами, а до ЗАГСа ни с одной не дошёл. У сестры с одним мужем столько забот, что я не представляю, как выдержать троих.

— Я не понимаю, почему они вместе, если так ругаются.

— Подожди, — говорит он. — Не натрахались ещё. Натрахаются — разведутся.

Когда сестра и правда уйдёт от мужа, я вспомню Стаса. И, конечно, хватит ума не сказать ей, что именно я вспомнила.

В последние дни я уже специально беру книгу на балкон, когда знаю, что Стас сидит у себя на веранде. Домой возвращаюсь ужасно голодная и влюблённая. У меня по дороге кончаются деньги на телефоне, последнее сообщение Грише очень романтическое: «Пожалуйста, пожарь мне мяса». Он встречает меня с воздушными шариками. Сумку забирает одной рукой, вторая занята связкой разноцветных ниток. Ждёт, чтобы я сама его поцеловала. Я целую.

*

Перед отъездом в Москву Стас записывает мне голосовое признание. На слове «влюбился» запинается и начинает

фразу сначала. Я по нескольку раз слушаю это место дома, в наушниках. Он ещё долго будет звать меня замуж, говорить, что ради меня всё бросит.

Несколько лет спустя я случайно наберу номер Стаса. Он будет сидеть в Москве на крыльце мастерской. Женщину, в которую он к тому времени влюбится, зовут Мила, она учится в Школе-студии МХАТ и собирается уйти к режиссёру. Стасу очень хочется её дождаться и страшно, что он сделает с собой что-нибудь, если она так и не выйдет. Мы проговорим два часа. Через много лет он позвонит мне сам.

— Привет, Птичка. Я в Шереметьеве. Улетаю в Калифорнию.

— Надолго?

— Навсегда.

— Один?

— С женой. Зовут Лариса. Она кардиолог. Саш, я ведь спасибо хотел сказать. Ты меня тогда на том крыльце… Я ведь правда думал, что жить не хочу. И сидел бы там один. А тут ты с этим своим «Стас, ты вообще поел?». Сколько тебе лет-то было.

— Ты счастлив?

— Похоже, что да.

— Тогда привет Америке.

До Калифорнии ещё далеко. Я пока езжу из Брянска в Крым каждое лето. В первый раз на две недели, потом на сколько отпустят. В лагере мне отдают музыку на поста-

новку, оставляют ключ от аппаратной. Если ведущий не проснулся — стучат в мою дверь.

Из-за Стаса дома мы с Гришей ругаемся. Он залезет в мою почту, прочитает, хлопнет дверью. Я подожду, пока он спустится, и назло надену наушники. Впрочем, на третий раз, когда Стас дойдёт до «влюбился», я уже буду прислушиваться к лестнице. Гриша вернётся, пройдёт мимо меня и ляжет лицом к стене. Лягу с краю. Через какое-то время он повернётся и поцелует меня в нос.

На следующее лето я опять возьму билет до Симферополя.

ГЛАВА 5

Вопрос жизни и смерти

Брянск, сентябрь 2008

Выхожу на перрон. Сутки в поезде из Крыма, голова грязная, на мне последние чистые штаны. В студенческом лагере можно поставить танец на сорок человек, за ночь собрать декорацию, найти в три утра шампанское, а постирать штаны решительно негде. Гриша ждёт перед вагоном. Третье лето подряд.

— Пупс, у тебя голос ужасный. Бросай пить коньяк.

Наклоняется, целует меня в нос. Метр восемьдесят с голубыми глазами и гигантскими ресницами. Красивый, зараза. Я протягиваю ему сумку, и он привычно забирает её левой рукой, чтобы правая осталась мне.

Крым у нас мой, Сочи его. Каждое лето я ставлю танцы и веду праздники у моря. Каждую зиму он ездит на фестиваль КВН. Мы ревнуем, ругаемся, меняем семейное положение во «ВКонтакте». Друзья больше не спрашивают, что случилось.

За три года мы поменялись местами. Теперь уже я ставлю университетские спектакли, выбираю ведущих, решаю, кто получит приз на «Студенческой весне». По выходным веду детские праздники в боулинге, к Новому году надеваю кокошник и зарабатываю за две недели столько, что весной могу сама купить билет к морю. Гриша ушёл из команды, устраивается по специальности и по-прежнему приезжает к

друзьям в любое время дня и ночи. В табеле о рангах своего любимого я отвела себе почётное место после юмора, друзей, сестры и мамы. Сам табель составляла я, но обижалась на него.

С вокзала едем ко мне. В комнате всё те же два дивана. Когда Гриша остаётся, мама приносит ему бельё на второй. Ночью кто-нибудь из нас перебирается к другому, а под утро особенно важно успеть вернуться на исходную. Так мы за несколько лет и не научимся спать рядом.

— Гриш, у тебя в этом году военная кафедра ещё есть?

— Ага, последний год. Буду летёхой.

Мама с кухни вздыхает. Военная кафедра означает форму, бритьё и пришитый подворотничок. У Гриши это означает подворотничок на скотче, опоздание минут на пятнадцать и ярко-красные кроссовки под камуфляж. Одно счастье, что папа в Москве и не может это видеть.

Через неделю, как раз в день военной кафедры, я пишу ему:

«Можешь сейчас приехать?»

«Что случилось?»

«Вопрос жизни и смерти».

«Я на военной кафедре. Тут на грани».

«Ты можешь приехать?»

Он прилетает в красных кедах, в пятнистой форме, падает на пуфик в коридоре. Ещё не отдышался, а уже оглядывает меня с головы до ног.

— Что случилось?

Я достаю из-за спины прозрачный пакет с золотой рыбкой.

— Это тебе. Она будет исполнять твои желания.

— Саша! Ты сказала: «Вопрос жизни и смерти»!

— Ну да. Она же в пакете. Ей нужен аквариум. Вопрос её жизни и смерти.

Он смотрит сквозь пакет на рыбку. Она открывает рот.

— И кто из вас это придумал?

Вместо кафедры он идёт покупать аквариум. Рыбку мы назовём Фиби. Она проживёт у него пять лет.

*

В октябре у меня посвящение. Сцена, репетиции, свет — всё на мне. Третью ночь ночую в университете. Ведущий у меня Гриша. За день до спектакля приезжает Арсений Ершов, и с тех пор ни один не берёт трубку. Я прекрасно знаю, где они и что там пьют. Заменить Гришу некем.

За двадцать минут до начала заполняется первый ряд. Я стою за кулисой с микрофоном в руке и впервые в жизни мысленно репетирую, как выйду к людям и объясню, почему спектакля не будет. Из боковой двери появляется Гриша.

— Дай текст взглянуть.

Отдаю папку, вижу, как он ведёт пальцем по первой странице. Потом выходит, говорит в микрофон «родные мои», и даже проректор в первом ряду улыбается. Я сижу за пультом. На коленях у меня список номеров, надо отмечать, какой сейчас идёт. Весь первый лист я пропустила.

После представления у дверей в зал для своих он улыбается мне во весь рот.

— Ты меня подставил.

— Всё же было в порядке, пупс.

— Ты бы за двадцать минут до начала родной матери позвонил, что жив, а? Вот мне тоже можно.

Мы влетаем в зал, где его команда с девочками уже празднует. Проректор по воспитательной работе вручает мне торт и бокал игристого:

— Сашка, умница! Отличное шоу. Торт тебе за старание.

С тортом в одной руке, с бокалом в другой я пытаюсь протиснуться к выходу. Гриша с той же довольной улыбкой преграждает мне дорогу. Замахиваюсь тортом. Он успевает отвернуться, комок крема попадает ему в ухо.

— Запей.

Выливаю ему на голову игристое.

— Саша! Только посуду не бей! — кричит за спиной проректор, но опаздывает.

Бокал разлетается у Гришиных ног.

— А это на счастье.

Кто-то за столом говорит: «Ну, этого он ей никогда не простит». Через час он на коленях у меня под дверью. На ухе так и засох крем. Я втаскиваю его в квартиру, пока не вышли соседи, сажаю на тот самый пуфик и иду за мокрым полотенцем.

ГЛАВА 6

Обратный звонок

Брянск, ноябрь 2008

Десять дней задержки. По моему циклу можно было часы сверять. А теперь я каждое утро лезу в календарь проверять, не ошиблась ли в подсчётах. Гриша неделю пьёт у девушки своего друга Грача. Вытянуть его оттуда не удаётся. Мама вечером читает книгу, потом поворачивает ко мне голову.

— Ребёнок, мне кажется, нам пора поговорить о сексе.

— Гриша уже поговорил, — отшучиваюсь я.

Мама опять утыкается в книгу. Мне бы сесть рядом и сказать, что страшно. А я ещё благодарна, что она отстала.

У врача я слышу два слова: «внематочная беременность». Первое как-то проскакивает мимо. На «беременность» меня бросает в жар, дальше я почти ничего не понимаю. Надо в больницу. Сейчас. Я выхожу в коридор, набираю Гришин номер.

— Гриш, я беременна… Что мы будем делать?

— Что ты опять придумала? Я пью, я у Грача. Твои проблемы.

Я зачем-то стою ещё с телефоном у уха, хотя уже идут короткие гудки. На второй звонок мама отвечает сразу.

Мама по телефону выслушивает меня, звонит своей подруге Ильиничне, заведующей кафедрой акушерства, и едет за мной. Я сажусь к ней в машину. «Мам, только не ругайся».

— Да ты что, ребёнок. Дай мне руку.

У Ильиничны я спрашиваю, будут ли у меня ещё дети. Она объясняет, что сейчас надо сделать, а про детей обещать ничего не может. В больнице я лежу, подложив под голову мамину кофту. На рукаве её духи.

Через три дня на крыльце сидит Гриша. Уверен, что я сделала аборт. Я начинаю: «Гриш, я тебе звонила прямо от врача…» И не могу дальше. Пусть спросит: «А врач-то что сказал?» Он не спрашивает. Так и не простит мне аборта, которого не было.

Через несколько лет увижу первоклассников у школы, и вдруг в голове: «Мой тоже мог бы сейчас пойти в первый класс». Хотя я с того самого дня у Ильиничны знаю, что не мог.

Снег этой осенью редкий, мокрый. Мы сидим на скамейке во дворе, он пытается взять меня за запястье. Я прячу руки в карманы. Рядом сидит мой Гриша, тот самый, который в красных кедах примчался спасать рыбку. Я хоть убей не понимаю, почему тогда он смог, а в этот раз даже не перезвонил.

Я встаю и ухожу к подъезду. Он остаётся на скамейке.

*

Ни одного Нового года из четырёх мы не встретили вместе. Каждый раз оба идём к родителям. В этот раз я почти рада: не придётся догадываться, обнять его в двенадцать или у нас ещё нельзя. С ноября он боится ко мне прикоснуться,

а я боюсь, что он всё-таки прикоснётся.

Следом за праздниками Гриша уезжает в Сочи. На последние деньги смотреть, как играют другие. Некая Эмма пишет мне, что спала с моим мужчиной. Элина — что они с ним нашли друг друга. Обычно я бы так это не оставила. Сейчас даже не отвечаю. Гриша возвращается, целует меня в нос, начинает разговор о Москве.

— Тут нечего ловить.

— А я?

— Тебе ещё два года учиться.

— Я против.

Дня через два приходит сообщение: «Я в поезде».

«Куда?!»

«Еду в Москву. Завтра собеседование».

Я звоню. Стук колёс, ветер в тамбуре. Гриша пытается меня успокоить, но я уже сползла по стене и ору так, что мама приходит из другой комнаты.

— Доча, успокойся. Таких Гриш будет ещё десяток!

— А ты из-за отца не так ревёшь, когда он уезжает?

— Я с ним двадцать лет прожила и двоих детей родила!

Мама накрывает меня одеялом прямо на полу. Так и засыпаю.

«Ты доехал?»

«Да».

«Во сколько собеседование?»

«В час».

«Ясно».
«Лю».
«Почему у тебя никогда не хватает букв до „люблю“?»
Я ещё не успеваю убрать телефон.
«Люблю тебя».
ГЛАВА 7

Носитель вируса культуры

Брянск, весна 2009

— Сашк, как диплом? Что-то у меня голяк пока.

— Мне Гришин друг Косич помогает. Так что я не переживаю.

Влад с первого курса не берётся за работу, пока до сдачи не останется неделя. Я ему завидую. У меня за месяц уже глаз дёргается.

С программой к диплому мне и правда помогает Косич. В школе и первые три курса он носил хвост до пояса, а сам ростом метр шестьдесят. Потом взял и принёс этот хвост на занятия в руке. Так что я Косича дольше знаю коротко стриженным. Он, Влад, Гриша, Грач — все из одного интерната. С восьмого класса спали в соседних койках, списывали друг у друга и по очереди ходили за водой, когда кто-то болел. Если дома у меня неприятности, я звоню маме. Гриша — им.

В Москве у Гриши пока не хватает на съёмную квартиру. Три платежа сразу для него гигантские деньги. Ночует у знакомых, однажды остаток ночи просидел в кино. В субботу утром приезжает в Брянск и отправляется к родителям, потом к друзьям. Я теоретически могу встроиться на любом этапе. Даже на обратную электричку проводить.

— Если бы мы виделись каждый день, я бы поняла. Но ты и так приезжаешь раз в неделю.

— Поехали со мной. Кто тебя не зовёт?

— Я не хочу каждый раз проводить выходные с твоими друзьями и родителями. У меня свои есть!

— Значит, ты не хочешь провести время со мной?

Ухожу, хлопнув дверью. Дома утираю нос и пишу: «Я хочу время именно с тобой».

В конце апреля кардиолог что-то долго объясняет мне про блокаду и назначает обследование. Выхожу на улицу, сажусь на скамейку под деревом. Мне двадцать лет. Вроде не болело ничего. Больше всех слов, что он говорил, я запомнила это: «блокада». Так и сижу, боюсь встать.

Я сдаю диплом бакалавра, подаю документы в магистратуру, уезжаю в Крым. Этим летом меня там ждут и сцена, и работа, и люди, которые по утрам будут искать именно меня, потому что баннер почему-то висит вверх ногами, а репетиция через восемь минут.

*

— Ты здорово танцуешь. Я привык, что вокруг гоу-гоу, а ты вся такая классика.

Посреди ночного амфитеатра стоит невысокий лысый мужчина с огромными глазами. Рядом качается его приятель и внимательно изучает мои ноги.

— Спасибо. Вы не могли бы убрать от меня своего пьяного друга?

— Он безопасный.

Лысый улыбается и уходит к морю. Приятель представля-

ется Робертом, вызывается проводить меня до дома и по дороге спотыкается так, что приходится самой держать его за локоть.

— Спасибо, — говорю у своего барака. — Не могу сказать, что было приятно.

— А мне было. До завтра, носитель вируса культуры!

Через три дня в ночном баре подругу уводит симпатичный организатор вечеринки. Пора и мне спать, в семь утра монтаж декораций. У выхода всё тот же лысый с большими глазами.

— Всех подруг разобрали? Может, тебя тоже проводить?

— Вы бросили меня ночью с пьяным человеком.

— Я же сказал, я в нём уверен. Я Давид.

До утра мы так и не добираемся до моего дома. Идём вдоль моря, сидим на вытащенной на берег лодке, на рассвете я прямиком отправляюсь на монтаж. Давид оказывается диджеем с собственным шоу на танцевальном радио и парой треков, которые я, к своему удивлению, знаю наизусть вместе со всем университетом.

— Выходи за меня замуж.

— Ты старый.

— Мне двадцать восемь.

— Тем более. А почему ты ещё не женат?

— Искал носителя вируса культуры.

Дружба наша переживёт и этот лагерь, и шоу Давида на радио.

ГЛАВА 8

Девяносто девять

Брянск, октябрь 2009

— Гриша спал с Ясей Луниной.

Лида Ершова сидит напротив, рядом Олеся Ракитина. Я смотрю на сигарету между Олесиных пальцев и пытаюсь понять, зачем вообще люди курят. Руки перед едой моют, а эту скрученную бумажку неизвестно кто лапал, и вот она у тебя во рту.

— Она мне сама сказала. По пьяни. И ещё делала вид, что тебя жалеет.

— Так, может, у них любовь.

— Саш! Вы же вроде вместе.

— Условно. Он в Москве, я здесь. Далеко.

— Они спали, когда он ещё здесь был!

Олеся затягивается. Огонёк становится оранжевым, потом еле тлеет, а от конца сигареты всё никак не отрывается столбик пепла. Мне на телефон приходят пересланные Ясей сообщения. Имена вверху знакомые. Несколько раз провожу пальцем, пока нахожу начало.

«Ты спал с Луниной?»

«Что за бред».

«Она мне переписку из ВК скинула».

«Ты ей веришь?»

«Там твои слова».

«Было».

Я смотрю на это слово до тех пор, пока его не отодвигают вверх новые.

«Саша, один раз!»

«Саша, это случайность!»

«Саша!»

«Почему она?»

«Она не выносила мозг».

На лекции молодой преподаватель рассказывает про обучающие экспертные системы. Обычно мне интересно. А сейчас я достаю из-под парты сумку, встаю и прямо посреди его фразы выхожу. На улице золотая осень, тепло. Телефон жужжит в руке. Гриша в командировке в Казахстане, до моего подъезда быстро не доберётся. Звук я выключаю.

Но слишком многие знали. Знали и с улыбкой усаживали Ясю рядом со мной.

— Лапшин, ты знал?

— Сань, когда он позвонил и спросил про Стаса, я тоже ничего не сказал.

— Ты просто ответь: знал?

— Да.

Я отключаюсь. Набираю Грача.

— Он хоть не у вас тогда был?

— Сань, он же мой друг.

Я молчу.

— Нет, не у нас.

До дома иду в темноте. Мама выбегает в прихожую.

— Дочь, тут мальчик приходил с цветами. Такая охапка…

— И где она?

— На балконе. Там лилии.

Об аллергии на лилии у нас все знают. Даже Лапшин. Достаточно одного цветка в комнате, чтобы я расчихалась и залезла в аптечку, а тут целая охапка.

— Саш, там ещё записка была. Поговори с ним.

Мне вручают факс. Настоящий, с бледными полосами. Значит, Гриша где-то в Казахстане нашёл бумагу, написал письмо, нашёл аппарат или кого-нибудь с аппаратом. Знакомые буквы почти ложатся на бок. Почерк у него куда красивее моего. Читаю про вину, про любовь, про то, что это на всю жизнь. Ночью на балконе мёрзнут лилии, а я складываю факс и убираю в ящик.

*

Осенью мы звоним друг другу по скайпу. Я спрашиваю, сколько у него там ещё Ясь. Картинка застывает. Он ещё слушает или мне перезвонить и начать сначала? В какой-то момент я перестаю спрашивать. Кажется, Гриша принимает это за хороший знак.

«Пупс, ты где?»

«На парах».

«Спустись в холл. Там Кит от меня».

День рождения в студенчестве мне разонравился. Гриша всегда в отъезде. Влад, Лида Ершова, Олеся — могу собрать

их за одним столом, но половина неминуемо начнёт рассказывать о Гришиной половине компании. А соцсети превращают десятое декабря в рабочий день, состоящий из бесконечных «спасибо».

«Ну спустись. Сюрприз. С днём :)»

Выхожу с лекции. Всю дорогу от аудитории до лестницы я точно знаю: он там. Всё бросил и приехал. Внизу действительно кто-то стоит с букетом в обхват. Кит.

— Огонёк, минутку. Сейчас!

На экранах университетского телевидения — моя фотография. Потом другая. На всю громкость играет «Он был старше её, она была молода», всплывает слово «люблю» на всех языках мира. Сейчас будет «Выходи за меня». Я чуть не подталкиваю Кита: давай, дальше.

— Сашка, держи. Всего тебе!

Песня заканчивается. Кит перекладывает охапку мне в руки, и я понимаю, почему он так её сжимал. Я даже толком не могу обхватить все стебли, в промежутки между ними ещё и веток напихали. На экране висит последнее «люблю» на совершенно незнакомом языке.

— Ты чего, Огонёк? Тяжело? Давай помогу.

С лекций высыпают люди. Смотрят, улыбаются. У меня по щеке течёт. Люди думают, от счастья. Гриша, когда я беру трубку, решает, что от любви. Я не поправляю.

Через час сидим с мамой на полу. Она подрезает стебли, я вынимаю из шкафов вазы, потом трёхлитровые банки. Девя-

ностo девять гербер. Кто бы мне раньше сказал, что от цветов устают руки.

*

Двадцатого декабря начинается наш с Адель новогодний чёс. К восьми приезжаю в ночной клуб, за полтора часа превращаюсь в Снегурочку. Шесть школьных ёлок подряд. К десяти вечера мы с Дедом Морозом уже в ресторане, программа взрослая. Адель окончила ГИТИС, живёт в старом доме с пятиметровыми потолками и ни за что не согласится разобрать домашнюю ёлку. За две декабрьские недели она зарабатывает на следующие одиннадцать месяцев.

Под утро я дома полощу костюм, чтобы от Снегурочки не пахло вчерашними ресторанами, сплю два часа, досрочно сдаю зачёт, опять еду в клуб. Денег у меня теперь хватает хотя бы на то, чтобы самой решить, где провести начало января.

«Через пару дней Новый год. Приедешь?»

«Ага. У родителей буду».

«Хочу числа третьего в Питер».

«Давай я куплю билеты».

«Ну давай».

ГЛАВА 9

Тут же мост

Петербург, январь 2010

На Банковском мосту спят грифоны в снежных шапках. Утро. Пустой город, только из дверей булочной осторожно тянет теплом. Я просовываю руку в Гришину перчатку, ухватываюсь за большой палец и мизинец. Получается замок. Мы давно так ходим, так смотрим кино, я умею даже заснуть, держа его за эти два пальца. Он подставляет их, толком не просыпаясь.

— Представляешь, кому-то так повезло, что он каждое утро мимо этого моста ходит на работу.

— Саш, если каждый день ходить, уже не замечаешь.

— Давай переедем в Питер?

— Зачем?

— Как зачем? Тут же мост!

Я первый раз в Питере, да и вдвоём целую неделю мы тоже ни разу не жили. Никто не стелет нам второй диван. В Царском Селе у меня мёрзнут руки, Гриша покупает мне чудесные варежки. Фотографирует, просит повернуться к нему боком, теперь другим боком. В четвёртый раз я просто кидаю в него варежкой.

Вечером я в его толстовке, пью текилу и слизываю соль с его ладони. Он курит и отворачивается при каждом выдохе, иначе я начинаю чихать. Ложусь ухом ему на грудь, он обни-

мает меня, и я устраиваюсь носом у него под рукой.

— Я бы так всю жизнь провела.

— Как?

— У тебя под рукой.

— Я опять уеду в Казахстан. Денег на свадьбу заработаю.

— Я терпеть не могу свадьбы. Этот выкуп у двери подъезда, конкурсы. Гриш, я же сама такие праздники веду.

— Пупс, всего полгода, и больше не поеду.

— Хорошо.

В Эрмитаже он шепчет мне на ухо пошлости, на улице прячет меня в свой шарф. Каждый вечер приезжаем на Дворцовую смотреть лазерное шоу. В последний день мне видно плохо. Он, не дожидаясь, пока я попрошу, переступает чуть влево. Я кладу подбородок ему на плечо.

*

В мае мама спрашивает про лето.

— В Крым поеду.

— А на что? У меня денег нет. И, может, пора нормальную работу поискать? Тебе в университет раз в месяц осталось ходить.

К этому времени Гриша возвращается из командировки. Пока его не было, мама взяла кредит на землю, хочет строить дом. Он отдаёт ей все заработанные деньги. Ну а как иначе? У мамы долг, у него есть чем заплатить. Я даже согласна. Про свадьбу мы почему-то не вспоминаем.

«Мне надо искать работу».

«Зачем?»

«Ну а что я год до диплома буду делать?»

«В Крым не поедешь?»

«Нет. Тут одна компания предлагает место в маркетинге. Готовы учить».

«Ещё есть варианты?»

«В Москве собеседование. Но без диплома зарплата такая, что жильё не потяну».

Читаю своё последнее сообщение. Удобнее случая позвать меня в Москву я ему не придумаю. Можно, конечно, спросить прямо, поместимся ли в той старой съёмной двушке втроём. Но как же хочется, чтобы он сам сказал: «Приезжай».

«Ясно. Тогда выходи на маркетолога».

Первое за пять лет лето без Крыма. Я работаю. Пишу диплом. Гриша по выходным ездит к родителям и друзьям.

ГЛАВА 10

Приём заявлений

Москва — Брянск, весна 2011

Через год диплом готов, государственные экзамены сданы. Я руковожу отделом маркетинга. Руслан, владелец большой местной сети алкогольных магазинов, возит мне в офис тортики, и с ними мы всем отделом прекрасно справляемся. Цветы приходится забирать самой. Секретарь смотрит, как я несу букет к себе, а я зачем-то объясняю, что у меня вообще-то есть мужчина. Мы с ним уже шесть лет вместе.

«Приеду в Москву на выходные».

«Ок».

Жду у метро с чашкой гадкого кофе. Вот он садится напротив, и мы молчим, как тогда в «Ванили». Только теперь рядом нет Женьки с Маратом, на которых можно отвлечься. Счёт я оплачиваю сама. Я в Брянске зарабатываю больше, чем он в Москве. И довольна, что он это заметил, и досадно, что заметил.

— А где Кит?

— В отпуске. У родителей.

Кит переехал к Грише в соседнюю комнату. Старая пятиэтажка пахнет мокрым веником с лестничной клетки. В квартире темно, хотя за окном ещё светло.

— Квартира жуть.

— Зато дёшево.

В постели мы делаем всё, что полагается, и заканчиваем почти вежливым поцелуем в нос. Босиком иду через всю квартиру к мусорному ведру, в руке салфетка.

— Саш, пол грязный. Надень тапки.

В ведре один использованный презерватив. Мы ими не пользуемся.

— Гриш, это что?

— Кита.

— Ты же сам сказал, он неделю как в отпуске.

— Так я дома не бываю.

В шкафу ищу полотенце, нахожу несколько открытых пачек. Из всех возможных вопросов у меня один, очень глупый: зачем открывать новую, если старая ещё не закончилась? Я так и не задаю его.

— Я у бабушки переночую.

Бабушка родилась в Москве и вернулась сюда после смерти деда. У неё ковры, хрусталь и телек, где очень громко разговаривают люди. Добираюсь до неё на метро. Телефон за весь путь ни разу не звякает.

*

В четверг секретарь просит меня спуститься. В холле стоит Гриша с цветами. По глазам вижу: домой он просто так не уедет.

— Мы идём в ЗАГС.

— Зачем?

— Заявление подавать. Жениться.

После стольких лет, когда я чего только не отдала бы за эти слова, у меня язык не поворачивается сказать: «Я не пойду». Беру букет. Он берёт меня за руку. От офиса до ЗАГСа пятнадцать минут пешком. Я волоку букет цветками вниз, один всё время чиркает по асфальту.

— А кольцо у меня будет?

— Чёрт. Забыл.

В ближайшем ювелирном продавщица замечает мой букет и сразу вынимает поднос с обручальными кольцами.

— Саш, выбирай любое.

— Самое простое можно? Белое золото, гладкое.

Ободрившись оттого, что кольцо у меня теперь на пальце, он начинает прикидывать, кого мы позовём. На двери здания листок под прозрачной плёнкой. «Сегодня по техническим причинам заявления на регистрацию брака не принимаются. Приём заявлений возобновится 3 мая».

И я начинаю танцевать. Прямо перед Гришей, на ступеньках. Букет взлетает цветками вверх. Я бы сейчас расцеловала того, у кого там технические причины.

— Дай свой паспорт, — говорит Гриша.

— С какой целью?

— Я в Москву заберу. Вернусь, подадим заявление.

Паспорт остаётся у меня. Он уезжает. Я возвращаюсь в офис, закрываю за собой дверь и открываю страницу «ВКонтакте».

«Пора прекратить играть в пушкинских героев. Не пиши

мне больше, я тебя не люблю. Я ухожу к другому мужчине. А ты прекращай строить из себя Онегина. Свадьба — абсурд. Я не хочу тебя знать».

Никакого другого мужчины у меня нет. Я ухожу к себе в съёмную квартиру напротив родительского дома. Закрываю страницу, блокирую сообщения от Гриши. Жаль, нельзя так же удалить из головы его номер.

Тёплый май. Две недели я провожу на балконе с коньяком. Друзья заходят, кладут в холодильник еду, уходят; Руслан однажды ради меня даже открывает ночью свой магазин. Зато в одно воскресное утро просыпаюсь, смотрю сквозь ветки на родительские окна и понимаю совершенно определённо: отпустило.

— Алло? Эльвир, привет. Покрась меня!

— Девять утра, воскресенье. Ты с ума сошла? До понедельника потерпи.

Ближайшая парикмахерская у дома называется «Парикмахерская». Туда и иду в старых кедах, раз уж Эльвира не понимает срочности.

— Девушка, здравствуйте. Можно короткое каре, выбрить затылок и покрасить в чёрный?

— Вы уверены? У вас грива до жопы!

«Пупс, в какой угодно, только не в чёрный».

— А можно, чтобы иссиня-чёрный был?

Длинные пряди лентами падают на пыльный кафель. Машинка проходится сзади по шее. Дома я долго трогаю ладо-

нью свой короткий бархатный затылок.

К осени у меня есть предложение из петербургской типографии, приличная зарплата и возможность получить второе высшее. Родители сидят в беседке на даче и слушают, как я взахлёб рассказываю им свой план.

— Ребёнок, это же тысяча километров.

— Мам, я знаю. Я уже посмотрела, сколько ехать.

От решения до переезда проходит полгода. Все мои вещи помещаются в маленький Citroën C3. Уже завожу машину, когда мама выбегает из подъезда: термос на кухне забыла. Принимаю его через открытое окно, обжигаюсь о горячую крышку. До Питера мне кофе хватит.

ГЛАВА 11

Большая вода

Петербург — Барселона, декабрь 2013

Посреди гардеробной стоит раскрытый саквояж. Рядом кеды, которые я так и не научилась шнуровать. В детстве у меня были липучки, потом сапоги, а в студенчестве Гриша завязывал мне кеды. Я по очереди ставила ему ноги на колено. Ни разу не поинтересовалась, что он там делает с двумя концами. Убираю кеды обратно в шкаф, беру балетки.

Мне скоро двадцать пять, и своих дней рождения я всё ещё не люблю. Зато люблю просыпаться в незнакомом городе. Чем ближе город к большой воде, тем больше люблю. Раз в год такое можно себе устроить. На первый в моей взрослой жизни день старения беру билет в Барселону.

В Питере у меня съёмная квартира в десяти минутах от работы. На кухне огромный диван, на нём ночуют друзья, которые за разговором прозевали развод мостов. На другом конце города живёт Влад. Приехал играть музыку, зарабатывает веб-программированием. Я руковожу маркетингом сети типографий, заканчиваю второе высшее, выбираю MBA. Коммерческий директор фирмы-партнёра привозит мне в багажнике охапки алых роз. Пока он достаёт цветы, я успеваю разглядеть его довольную улыбку. К морю всё-таки хочется одной.

В семь утра сижу на городском пляже в Барселоне с бу-

тылкой кавы. У кромки воды мужчина закатал брюки и рукава рубашки. На одной руке пиджак, в другой туфли. Ступни увязают в песке. Стоит долго, смотрит в море. Снимаю его со спины и пишу под фотографией: «У моего мужчины самая сложная работа в мире. Он ищет меня и встречает субботы у тёплого моря. Когда-нибудь он всё-таки меня найдёт, и ему придётся искать новую работу».

Он так и не обернулся. Ни лица, ни даже возраста я не разглядела.

*

Первого мая следующего года мы с Владом в Хельсинки. На привокзальной площади невероятное количество пьяных финнов в белых шапочках. Рестораны закрыты, бары работают. Влад уже успел с кем-то познакомиться, а в меня больше не лезет сидр.

— Влад, давай вернёмся?

— Я пас. Сань, тут же здорово!

— Можно я тогда поеду? Хочется к родителям на праздники.

Влад провожает меня на рейс в Питер. Дома пересаживаюсь в машину и еду в Брянск. В соцсетях я всё ещё в Финляндии, на площади. Про сидр в очередном баре писать уже поленилась.

«Ершова, я на праздники к родителям. Ты как?»

«Класс, мы тоже тут! Приезжай выпить».

Десять часов, кофе на заправках, весна через приоткры-

тый люк. У родных принимаю душ, натягиваю новые брюки, шифоновую рубашку. Бросаю машину у дома и на такси еду в бар. Мы с Лидой заказываем по Б-52. Второй я ещё держу в руке, когда слышу:

— Отлично выглядишь.

Волосы отросли. Щетина. Ресницы всё те же.

— Я думал, ты в Финляндии.

— Ну, так получилось.

На весь город два бара, куда мы оба ходим. Трудно сильно удивляться, когда человек приехал из Хельсинки через Питер в Брянск и первым делом отправился в один из этих двух баров.

Гриша пришёл с Косичем. Разговаривает с ребятами и не сводит с меня глаз. Я встречаю каждого входящего так, будто десять лет его не видела. Лидин парень наконец наклоняется к Грише:

— Прекрати так на неё смотреть. Она не твоя.

Говорит достаточно громко, чтобы я услышала. Иду за следующим коктейлем.

К пяти утра бар закрывают. У последнего такси остаются Гриша, я и совсем уже пьяный Косич, которого и надо отвезти, и непонятно куда.

— Ты где ночуешь? — спрашиваю я у Гриши.

— Думал, у Косича.

— Он всё ещё с родителями?

— Ну да.

— Поехали ко мне. Родители на даче. Три пустые комнаты, всех спать положим.

Мужчин в доме, по моему твёрдому убеждению в пять утра, нужно напоить и накормить. На столе оказывается отцовский коньяк. Косич после первой же рюмки отправляется в бывшую комнату сестры. Грише достаётся моя.

— Ничего себе. Не узнать.

— Мама всё повыбрасывала. Видишь, только твой Бруно остался.

Этого мишку он подарил мне после какой-то нашей ссоры, долго копил. Я уже не помню, из-за чего мы тогда поругались, а сколько он стоил, помню — две стипендии. Беру мишку на руки. Гриша берёт на руки меня.

— Я три года не приезжал в город. Чтобы не встретить тебя.

— Глупо.

— Это работало.

Не помню, кто из нас поцеловал первым. От него пахнет всё тем же. «Я так люблю тебя», — шепчет он мне в шею, пока я расстёгиваю рубашку. Хорошо, что уже светло. Мне хочется его видеть. Потом он целует меня в нос.

Мы лежим, я держу его большой палец и мизинец. С улицы тащат киоск на колёсиках, гремят пустые бутылки.

— Пять лет в никуда, — говорит он.

— В каком смысле?

— Мы так могли лежать пять лет. Я всё испортил.

— Гриш, я обещала к родителям на дачу. Давай собираться.

Запираюсь в ванной, сажусь на дно, подтягиваю колени, поливаю себя горячей водой. Мне двадцать пять, ему двадцать семь. Я могу найти на нём с закрытыми глазами маленький шрам. А кто сейчас сидит в комнате, чем он занят с утра до ночи, в кого был влюблён прошедшей зимой, я понятия не имею.

— У тебя золотой айфон? — спрашивает он, когда я выхожу.

— Подарили. Я такой не выбирала.

Он поднимает бровь. Раньше я знала, что значит эта бровь.

Заказываем одно такси на троих. Сначала завозим обоих к Косичу, потом еду на дачу. За обедом мама спрашивает, почему я такая сонная. Всё-таки тысяча километров, мам.

ГЛАВА 12

Сапоги для рыбалки

Петербург — Тенерифе — Москва, лето и осень 2014

Директор одной из наших типографий Богдан Громов суёт мне на совещании свой айфон. На экране «Фонтанка», авария на Троицком мосту, чёрные обгорелые остовы машин.

— Там бэха моя, — шепчет Богдан. — Из-за меня вертолёт поднимали!

Я смотрю на него, живого, довольного. За окном июль, прекрасный вид на Московский проспект. Начальник у доски распекает десять взрослых людей. В субботу, когда Богдан был занят вертолётом, я лежала в больнице с мигренью и временами теряла сознание. Жду назначенного обследования и жду, когда нас наконец выпустят из переговорной. Телефоны по очереди звякают. Зарплата. Платон Витальевич на секунду умолкает.

— Кто-то хочет что-нибудь сказать?

— Я. У меня отпуск накопился, я завтра на пять дней улетаю.

На телефоне уже открыты горящие билеты на Тенерифе.

Поздно вечером спускаюсь из отеля к океану. Чёрный вулканический песок почти не виден в темноте. Брожу вдоль воды в шортах и бесформенной льняной рубашке. Когда мне было шестнадцать, я думала, что хороший взрослый отдых

— это если у тебя есть мужчина и он привёз тебя к морю. Если бы я в шестнадцать увидела себя сегодняшнюю на этом пляже, я бы себе ужасно понравилась.

— Hi! Where are you from?

— Russia.

— О! Я Филипп.

Филипп живёт на Канарах, перебрался в Испанию студентом, окончил университет в Барселоне. Теперь у него здесь своё дело, родители в Валенсии. Через пару дней он наконец спрашивает то, что ему с самого начала было интересно:

— Почему ты не замужем?

— Меня никто не любит. Я же не умею варить борщ.

— А я тут жить не могу без сметаны.

— Ну, за сметану я и сама родину продам.

— Когда улетаешь?

— Завтра рано утром.

— Покажешь твой Петербург?

— Только на фотографиях.

До сентября отправляю ему фотографии города, а он мне — остров. Филипп зовёт замуж и уговаривает перебраться к океану. По утрам я честно фотографирую дождь на лобовом стекле. Пускай человек знает, к чему прилагается сметана.

*

В сентябре беру на московскую выставку самого молодого маркетолога из отдела. Агате двадцать, в столице она ещё не была. На выставке я успеваю переговорить с двумя дизайне-

рами, а уже в обед Агата тянет меня на Красную площадь. К вечеру в её телефоне полсотни фотографий, и ни одной с выставки. На обратном пути мой Citroën включает на панели сразу все лампочки, содрогается и встаёт посреди незнакомой улицы.

— Александра, и что мы будем делать?

Я сама хочу знать. Агата смотрит на меня с таким доверием, что я ещё и спину выпрямляю.

— Агата, без паники. Мне всегда есть кому позвонить.

У меня в телефоне добрых триста контактов. Я набираю номер по памяти.

— Гриш, привет. Ты в Москве? У меня машина сломалась.

Его друг Жора приезжает с тросом. Моя машина отправляется в сервис, Гриша покупает Агате билет на ближайший рейс до Петербурга. Ещё через час мы втроём пьём кофе у Павелецкого вокзала. Отсюда Агате на аэроэкспресс.

— Александра, а вы не могли бы меня до самолёта? Я никогда не летала.

Я обнимаю её за плечи. Весь день делала вид, что справляется, а мы даже не догадались поинтересоваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.